УДК 316.25:394

ЧИТАЯ И ПЕРЕЧИТЫВАЯ «АРХЕОЛОГИЮ ЗНАНИЯ» МИШЕЛЯ ФУКО

Ковалева Иделаида Дмитриевна – кандидат философских наук, профессор кафедры социологии Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина

Эссе посвящено рассмотрению концепции высказываний М. Фуко в перспективе проблематики социального разрыва. «Неадекватные», эмоционально нагруженные, непонятные или амбивалентные по значению жизненные ситуации, которые разворачивает перед нами автор, мотивируют ее обращение к отдельным аспектам концепции. В том числе, актуализируются положения о связи высказывания и дискурса, высказывания и языка, значения высказываний и их последовательности и др. Автор акцентирует внимание на сложности концепции М. Фуко, парадоксальности его видения, связанных с этим особенностях стиля его текстов. Эта сложность становится для автора статьи опорой в интерпретации жизненных ситуаций, которые в обстановке социальной неопределенности, изменений, трансформаций волнуют, беспокоят, разрывают повседневность. Установка на сложность помогает находить смысл высказываний за пределами распространенных штампов, например, «декомунизация», «бытовой сепаратизм» и т.д. Путь, который таким образом намечает автор, ведет от интерпретации конкретного высказывания к понимании времени, в котором мы живем.

Ключевые слова: высказывание, феномен разрыва, эпистемологический разрыв, дискурс-формация, дискурс-анализ, дискурс молчания, археология знания.

Есе присвячено розгляду концепції висловлювання М. Фуко в перспективі проблематики соціального розриву. «Неадекватні», емоційно насичені, незрозумілі або амбівалентні за значенням життєві ситуації, які розкриває перед нами авторка, мотивують її звернення до окремих аспектів концепції. Зокрема, актуалізується питання про зв'язок висловлювання й дискурсу, висловлювання й мови, значення висловлювань й їх послідовності, тощо. Авторка акцентує увагу на складності концепції М. Фуко, парадоксальності його бачення, пов'язаних з цим особливостях стилю його текстів. Ця складність стає для авторки опорою в інтерпретації життєвих ситуацій, що в обставинах соціальної невизначеності, змін, трансформацій хвилюють, вражають, розривають повсякденність. Настанова складності допомагає знаходити смисл висловлювань поза поширеними штампами, наприклад «декомунізації», «побутового сепаратизму», тощо. Шлях, що таким чином намічає авторка, веде від інтерпретації певного висловлювання до розуміння часу, в якому ми живемо.

Ключові слова: висловлювання, феномен розриву, епістемологічний розрив, дискурс-формація, дискурс-аналіз, дискурс мовчання, археологія знання.

The essay is devoted to the concept of statement by Michel Foucault in the perspective of social gap problematics. «Inadequate», emotional, incomprehensible or ambivalent life situations, which author unfolds for us, motivate her appeal to certain aspects of the concept. In particular, the statement is discovered in its connection with discource, language, meaning and sequence. Author focuses on complexity of M. Foucault's concept, paradox of his vision, related to this peculiarities of his style of writing. This complexity becomes for author of this article support in interpretation of life situation, which in circumstances of social uncertainties, rapid changes, transformations are percepted as exciting, worrying, discouraging. This attitude to complexity helps her to find meanings of statements beyond habitual spreaded stereotypes, for ex. «decommunisation», «domestic separatism», etc. The way, which author builds, leads from interpretation of actual situation of statement to comprehension of time, where we live now.

Kaywords: statement, phenomenon of gap, epistemological gap, discourse-formation, discourse-analyze, discource of silence, archeology of knowledge.

Мы читаем и перечитываем классику по самым разным причинам. Мой интерес к произведению Мишеля Фуко связан с тем, что его интересует сам процесс познания ситуации в достаточно сложных и неоднозначных условиях. Я возвращаюсь и возвращаюсь к данной работе в надежде найти дополнительный ключ к более глубокому понимаю того, что сегодня происходит в повседневности. Возможно, что эта идея достаточно иллюзорна, но она есть, к ней я возвращаюсь и стремлюсь глубже познать работу Мишеля Фуко, такую сложную и парадоксальную.

Случилось так, что по состоянию здоровья мне часто приходилось прибегать к помощи такси. Время было достаточно неоднозначное, сложное, но, как известно, «времена не выбирают…». Стоило

© Ковалева И. Д., 2017

назвать адрес поездки, и он превращался в катализатор достаточно бурного размышления водителя по поводу изменения названий в городе. Диапазон высказываний, как правило, был велик и неоднозначен. Совокупность высказываний относилась к разным объектам, возникая, она исчезала. В этом процессе как-то странно отражалось время: множество открытых высказываний и одновременно актуализация дискурса молчания. Подумалось: может стоит более внимательно прислушаться к тому, что происходит, чтобы понять время в котором живешь? Пожалуй, следует ещё раз перечитать Мишеля Фуко. Он особенно интересовался высказываниями в процессе формирования знания. Он писал: «Высказывание – каким бы банальным оно ни было, каким бы малозначительным по своим следствиям оно нам ни представлялось, как бы быстро оно ни забывалось после своего появления, каким бы малопонятным или плохо расшифрованным мы его ни считали – это всегда событие, которое ни язык, ни значение не могут полностью исчерпать» [1, с. 75].

Итак, высказывание как событие, которое имеет свои особенности. Его остаточное существование находится в поле памяти, открыто для повторения и преобразования, для реактивации. «…Оно связано не только с вызывающими его ситуациями и порождаемыми им следствиями, но в то же самое время и в совершенно иной модальности с высказываниями, которые ему предшествуют и которые за ним следуют» [1, с. 76]. Вопросы возникновения высказывания тесно взаимосвязаны с желанием Мишеля Фуко обнаружить нерациональную опору разума, для него важно определить или представить место изменения «дискурсивного действия».

В своем творчестве Мишель Фуко полифоничен. Он популярен, хорошо известен как фигура в значительных философских и социологических дебатах. Однако, оценки его деятельности могут быть неоднозначными. И может быть совсем не случайно, Петр Вайль, анализируя творчество Льва Лосева, говорит о его стихотворении «По поводу Фуко» [3]. Работа Мишеля Фуко «Археология знания» занимает особое место в его творчестве, выделяясь среди наиболее известных «Безумие и цивилизация», «История сексуальности», «Дисциплина и наказание» и других. В 2004 г. в Санкт-Петербурге на русский язык была переведена «Археология знания». Книга включает статью А. С. Колесникова «Мишель Фуко «Археология знания»» и Жиль Делёз «Новый архивариус (Археология знания)», работу самого Фуко [2, с. 381].

О чем труд Мишеля Фуко? О знании и науке!? А мне прежде всего интересны его размышления о высказывании в условиях рождения знания. И только у него мы видим такой интерес к этой проблеме. В работе самостоятельный раздел под названием «Высказывание и архив». Работа сложна для чтения и понимания, добраться до того, что же такое высказывание в его понимании, достаточно сложно. Еще в более ранних своих работах Мишель Фуко говорит о дискурсе и дискурсивном сознании, понимая под дискурсом определенную область знания, где используется которая знакома большой группе людей языковая терминология. На примере понимания безумия Мишель Фуко показывает, что существует одновременно несколько дискурсов этого понимания.

Уже в первом разделе работы Мишель Фуко анализирует дискурсивные закономерности, стремясь раскрыть формирование модальностей высказывания, понятий, стратегий и т.д. И все это Мишель Фуко необходимо, чтобы показать, что в условиях «взлома» общества в определенных обстоятельствах важны новые знания, пусть на уровне высказывания, чтобы понять происходящее. И вслед за Гастоном Башляром он говорит об эпистемологическом разрыве, эпистемологических актах и порогах, определяющих необходимость нового дискурс-формирования, которое позволило бы выйти на новое знание. И тогда в нашей ситуации, возможно, окажется, что такой ярко выраженный процесс декоммунизации, это только один из моментов значительно более сложных и важных изменений.

Мишель Фуко говорит: «Я неоднократно использовал термин «высказывание», либо говоря о популяции высказываний (словно речь шла об индивидах или единичных событиях), либо противопоставляя его (подобно тому, как часть отличается от целого) тем совокупностям, которые станут дискурсами. На первый взгляд высказывание предстает как последний, неразложимый элемент, поддающийся вычленению и способный входить в отношения с другими подобными ему элементами. Это точка без площади, но точка, которая может быть выделена на плоскостях перераспределений и в специфических формах группирований. Это узелок, возникающий на поверхности ткани, конституирующим элементом которой он является. Это атом дискурса» [1, с. 161].

В тексте у М. Фуко, как всегда, обилие подходов, образных сравнений, находок и усложнений, обилие деталей, что важно и ценно для меня. Попробуем разобраться, обращаясь к нашему личному опыту. Случайно оказалась на площади и жду такси. Ажиотаж разрушения памятника уже прошел. На постаменте башмак с левой ноги. Ситуация трагикомичная и жутковатая. Людей на площади мало, судя по лицам отношение к событиям у них разное. Есть лица радостные и веселые, есть грустные и недоумевающие, есть спокойные и безразличные. Кто-то просто любопытен. Можно ли здесь говорить о руинах, так как это делал Георг Зиммель в свое время? Он видел ценность руин, их очарование, гармонию с природой и эстетическую значимость. У нас все другое и несет на себе печать другого времени. Недалеко от меня двое парней среднего возраста. Спокойно стоят, смотрят, разговаривают. Прислушиваюсь, слышу:

1-ый: А что он сделал?
2-ой: Кто?
1-ый: Да этот, которого мы завалили?
2-ой: Слушай, завалили и завалили!

Возникает вопрос, можно ли рассматривать этот странный диалог как предпосылку для высказывания? Мне думается, что если еще раз внимательно перечесть размышления Мишеля Фуко и включить собственное воображение, то можно. Более того, в данном случае это еще и очень важно. Почему? Потому, что этот диалог позволяет сделать вывод, что какая-то часть людей была стихийно вовлечена в этот разрушающий процесс, когда силен накал страстей и инстинктов. И исследование таких сложных процессов предполагает дифференцированный подход к участникам социальных разрушений.

Мишель Фуко прав, говоря о «разломе в обществе», когда рождаются неоднозначные высказывания. Как быть с ними? Насколько они в духе времени, когда мы творим сами то, что объяснить себе не можем? Для Мишеля Фуко оболочкой и границей высказывания является дискурс. К его характеристике он подходит основательно, усиливает его смысловую характеристику, определяет как общую область всех высказываний, выделяет индивидуализацию групп высказывания и т.д. Он стремиться осуществить это в условиях «разлома и прерывности» общества, в условиях эпистемологического разрыва. Его интересует появление и распределение способов высказывания, размещение и рассеивание понятий, «развертывание стратегических выборов». Для него важно определить поле дискурса и дискурсивную формацию.

И все-таки, как определить высказывание, что под этим понимает Мишель Фуко? Он утверждает, что это не предложение и не суждение, приводит ряд примеров, которые заставляют нас размышлять. Он как-бы фиксирует прерывность общества, которая по своей природе и статусу может быть самой разнообразной.

Обратимся к эпизодам нашей повседневности. Нужно было зайти в продуктовый магазин. Магазин вполне приличный, продукты свежие, а работает, как и прежде, с продавцами и прилавками. Вхожу. Какой-то необычный шум. Молодая продавщица громко кричит: «Да не давала она ничего, никаких денег не давала!» Вижу: убого-одетая женщина, хилым голосом повторяет: «Отдала я тебе 10 гривен, отдала, взяла ты их, взяла!». Глаза голодные и злые, сама жалкая и какая-то унылая. Я машинально опустила руку в карман куртки, там 10 гривен. Достала. Женщина умолкла, сделала шаг ко мне, резко взяла у меня деньги, вновь бормоча: «Отдала я ей деньги, отдала!». Продавщица громко продолжала кричать: «Никто мне денег не давал!» Я вышла из магазина, присела на скамейку, задумалась, что это такое было?!

Как понять ситуацию, в которой я оказалась неожиданно для себя? Розыгрыш? Или потеря какой-то надежды? Крах? Или просто убогое вымогательство? Как понять и осмыслить то, что происходит с нами? Как быть?И может быть опять, Мишель Фуко такой неоднозначный в своих изысканиях подскажет нам путь к эффективному размышлению и пониманию «неадекватной» ситуации.

Нет, пожалуй «Археология знания» здесь вряд ли нам будет полезной и необходимой. Как понять голодное и злое тело, одетое в секон-хенд другого государства? Нужно ли его вообще понимать? И тогда работа Мишеля Фуко «Надзирать и наказывать». Исследование направлено на анализ рождения тюрьмы, но затрагивает он самые неожиданные аспекты: блеск казни и отношение к ней, проблема тела и ее характеристика в разных ситуациях, детская преступность и тюрьма и т.д. Да, здесь дается характеристика общих принципов наказания и показывается, как эти принципы исторически формировались. Но нет выхода на проблему дискурса, однако высвечивается проблема «власть и тело», методы принуждения и управления телами индивидов. А может быть лучше обратиться к разделу «Мораль и практика себя» из его работы «Использование удовольствий»? Здесь он писал: «При наличии некоего конкретного кодекса действий и в отношении действий определенного типа (которые можно определить по степени их соответствия или несоответствия содержанию кодекса) существуют различные способы «вести себя» морально: существуют различные способы, дающие действующему индивиду возможность совершать то или иное действие не просто в качестве агента, но в качестве морального субъекта этого действия» [1, с. 42-43].

А может быть лучше и вернее обратиться к работе Е. И. Головахи, Н. В. Паниной «Социальное безумие. История, теория и современная практика». Авторы работы писали: «Одним из очевидных, казалось бы, критериев разграничения нормы и патологии является способность человека адекватно ориентироваться в пространстве и времени» [6, с. 22].

И все-таки, что это было? Трудно дать верный ответ. Все это создает широкое поле для размышления, но нас сейчас интересует нечто другое. Наш интерес связан с тем, что Мишель Фуко называет анонимным высказыванием, которое может лежать в основе дискурса. А к более углубленному пониманию ранее приведённому эпизоду, рожденному повседневностью, можно обратиться позже, когда будут найдены необходимые смысловые оттенки, позволяющие понять то, что ранее было скрыто от нашего взгляда.

Следует отметить, что и в характеристике высказывания, и при анализе дискурса смысловая насыщенность очень велика. В ряде случаев они рассматриваются как проявление более или менее бессознательного отражения укоренившихся установок и предпосылок. Мишель Фуко утверждает:

«Археологическое описание обращается к тем дискурсивным практикам, с которыми должны быть соотнесены факты последовательности, если мы не намереваемся их устанавливать каким-то диким и наивным способом, то есть в терминах значимости…Это описание лишь стремится установить закономерность (regularite) высказываний. Закономерность здесь не противопоставляется не-закономерности, которая в пределах общепринятого мнения или наиболее распространенных текстов характеризует девиантное высказывание (отклоняющееся от нормы, пророческое, запоздалое гениальное или патологическое); напротив, под ней подразумевается совокупность условий, в которых осуществляется функция высказывания, обеспечивающая и определяющая существование абсолютно любой вербальной реализации (необычной или заурядной, единственной в своем роде или тысячу раз повторенной). Понимаемая таким образом закономерность не характеризует никакой центральной позиции в границах статистической кривой – следовательно, она не может расцениваться как показатель частотности или вероятности; она специфицирует фактическое поле возникновения. Каждое высказывание является носителем определенной закономерности и не может быть от нее отделено. Таким образом, закономерность одного высказывания должна противопоставляться не отсутствию закономерности другого высказывания (вероятно, менее ожидаемого, более своеобразного, более богатого новшеством), а другим закономерностям, характеризующим другие высказывания» [1, с. 208-209].

Говоря о закономерностях высказывания в процессе резких изменений в обществе, Мишель Фуко не забывает о том, что в таких условиях происходит определенная трансформация понимания терминов и понятий. Без этого нельзя понять, как осуществляется дискурс-формирование. Еще один эпизод из жизни моих друзей. Женщина радостно ожидала появление ребенка в семье своего сына. Но сын сказал, когда понял, что мать ждет и радуется: «Когда родится мой сын, прошу тебя не подходи к нему!». Мать была обескуражена и спросила: «Почему?». Сын ответил: «Потому что ты совок, комуняка и говоришь по-русски».

Все изменилось. Когда-то известный писатель Юрий Нагибин написал повествование об Афанасии Фете, которое заканчивалось следующими словами:

Сограждане, совки, родные!
Давайте бросим ныть, горлодерствовать,
бездельничать и злобствовать!
Будем, как Фет, деловиты.
Будем, как Фет, поэтичны.
Будем, как Фет, зажиточны.
Будем, как Фет, вечны [5, с. 342].

Коненчо, идеализация. Но в ней – надежда и доброта, нет злобы и желания причинить боль другому человеку. Совки – это наши близкие и родные. Это мы сами. Конечно, к этому можно относиться по-разному. Я часто вспоминаю своих родителей, их трудовую и непростую жизнь. И слова мамы, когда болела, не могла встать: «Какое счастье – стоять у окна!» Стоять у окна, постигая, какая погода, и вспоминать стихи о ней. Стоять у окна, постигать реальную повседневность тех, кто рядом, со своими заботами и хлопотами. Реальные люди, соседи важны и интересны по жизни. Совок – уже прошлое. Сегодня мы стремимся понять новые технологии общения и положение человека в ситуации постмодерна и того, что будет после. Постчеловек предстает как плюральный и мультиплицированный концептуальный персонаж, читаем мы в аннотации к монографии Н.В. Загурской [4].

Мы видим, как интерес к рождению ребенка сейчас заставляет активно ворошить прошлое и говорить с тревогой о будущем. А Мишель Фуко ищет ответ на вопрос, как рождается истина и какую роль в этом процессе играет высказывание. Он пишет: «В своем особом способе существования (ни полностью лингвистическом, ни исключительно материальном) высказывание необходимо для того, чтобы мы могли сказать, существует или нет предложение, суждение или речевой акт; и чтобы мы могли сказать, является ли предложение корректным (или приемлемым, или поддающимся интерпретации), является ли суждение правомерным и правильно образованным, является ли речевой акт соответствующим требованиям и вполне ли он был осуществлён…высказывание – это функция существования, которая полностью принадлежит знакам и исходя из которой, путем анализа или благодаря интуиции, мы может впоследствии решить, есть ли в них смысл, в соответствии с каким правилом они возникают друг за другом или располагаются в ряд, знаком чего они являются и какого рода акт осуществляется через их формулировку (устную или письменную)» [1, с. 173].

И далее в работе М. Фуко идет целый раздел, который так и называется: «Функции высказывания». Здесь подчеркивается, что ряд знаков станет высказыванием только тогда, когда станет ясным то, что он связан с «чем-то иным», что подобно ему или нет. «Высказывание существует вне всякой возможности повторного появления, и связь, которую оно поддерживает с тем, что высказывает, не тождественна совокупности правил употребления. Речь идет о единичной связи, и если в этих условиях вновь появляется тождественная формулировка, то это, конечно, те же самые слова, которые уже были использованы, по сути, те же самые имена, в целом это то же самое предложение, но это не обязательно то же самое высказывание» [1, с. 176].

Чтобы глубже понять этот тезис работы М. Фуко, обратимся еще к одному эпизоду нашей повседневной жизни и социальному опыту. Я находилась дома. Раздался звонок, выхожу. Стоит мужчина из пригорода, когда-то, достаточно давно, он возил молоко, мы покупали для внуков. Поздоровались. Он произнес: «Мадам Ковалева, я привез чеснок и фасоль. Возьмите». Я пригласила его пройти в квартиру. Он прошел, стал выкладывать из своих баулов чеснок, пересыпать фасоль. А сам при этом говорил: «Когда собрался поехать к вам, сказал об этом дома, а они мне в ответ: «Ты же там не болтай. Сейчас бытовой сепаратизм. Еще побьют!» Я смотрела на человека из пригорода, которому так нужно было продать выращенные им продукты. Слушала его слова, возвращалась к тому, что может быть так, что предложение, сохраняя словесное звучание, меняет смысл, превращаясь в нечто другое. И еще из его слов: «Не болтай!», «Помолчи!», «Умолкни!» – явно вырисовывается интерес к дискурсу молчания, который реализует в мире нашего собственного дискурса.

Рассматривая дискурсивные закономерности, М. Фуко писал: «В конечном итоге очевидный дискурс превращается, возможно, всего лишь в подавленное присутствие того, чего он не говорит, и возникает чувство, что это несказанное становиться пустотой, подрывающей изнутри все то, что говорится» [1, с. 69]. И далее вновь возращение к очевидному дискурсу, который «…мы отнюдь не пытаемся расслышать едва слышный лепет другого дискурса; мы должны показать, почему он не может быть иным, чем он есть, в чем он несовместим с любым дискурсом, и как среди других дискурсов и по отношению к ним он обретает то место, которое никакой другой дискурс не мог бы занять» [1, с. 74].

На протяжении всей своей жизни Мишель Фуко так или иначе обращает внимание на то, что возникают термины и понятия в поле дискурса, формирующего высказывания. Дискурсивные события нуждаются в точке опоры, и в качестве нее может оказаться термин. Он подчеркивает, что «возникает замысел описания дискурсивных событий как горизонта для исследования формирующихся в них единств» [1, с. 73]. Человек из пригорода, вместе с фасолью и чесноком принес новый термин: «бытовой сепаратизм». А вместе с ним – тревогу, страх, ощущение реальной опасности. Случайный контакт, неожиданная встреча, оказались одним из вариантов несущих первичный нейтральный материал, способный оказывать влияние на пространство формирования дискурса.

Все чаще в быт проникают такие слова как «русское быдло», «ватники» и другие, наполненные негативным смыслом и неприязнью. Все это способствует развитию бытового сепаратизма, осложняет повседневные взаимодействия. Мишель Фуко в работе «Археология знания» осуществляет попытку понять, как рождается новое знание и формируется эпистема, позволяющая адекватно исследовать новые явления. Это сложно. Необходимо вновь обратиться к тексту.

Вот почему интересны и актуальны идеи этого мыслителя, несмотря на их сложность и неоднозначность. Он стремится осознать – помочь нам это сделать вместе с ним – феномен разрыва, прерывность текущего процесса, понять смысловую насыщенность момента и определить пути поиска адекватного дискурса; усвоить то, что дискурс характеризуется бессознательным отражением прежних предпосылок и установок, что дискурс выступает как «оболочка и граница высказывания». Мишель Фуко стремиться обнаружить нерациональную опору разума, определить «дискурсивные действия», позволяющие власти управлять человеческими телами. Он учит внимательно относиться к происходящему, ценить неожиданные события и возникающие анонимные высказывания и размышлять над ними в условиях бурно меняющегося мира.

Литература:

1. Фуко Мишель. Археология знания / М. Фуко / пер. с фр. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой; вступ. ст. А. С. Колесникова. – СПб. : ИЦ «Гуманитарная академия»; Университетская книга, 2014. – 416 с. – (Серия «Ars Рича, Французская коллекция»).

2. Дилёз Жиль. Новый архивариус (Археология знания) / Ж. Дилёз // Фуко Мишель «Археология знания». – 2004. – С. 381-413. – 416 с.

3. Вайль П. По поводу Фуко / П. Вайль. Стихи про меня. – М. : Колибри, Азбука-Аттикус, 2011. – С. 630-638.

4. Загурская Н. В. Постчеловек. Version N / Postmen. Версия Н: монография / Н. В. Загурская. – Х. : ХНУ имени В. Н. Каразина, 2016. – 292 с.

5. Нагибин Ю. М. Будем как Фет / Ю. М. Нагибин // Учитель словесности. – М. : Издательский дом «Подкова», 1998. – 672 с., С. 327-342.

6. Головаха Е. И. Социальное безумие: история, теория и современная практика / Е. И. Головаха, Н. В. Панина. – К. : Абрис, 1994. – 168 с.